

image not found or type unknown

Проблема насилия в современном мире -- это одна из проблем, решением которых озабочено все мировое сообщество. Конец второго тысячелетия с одной стороны стал периодом гуманизации всех сфер жизнедеятельности общества, с другой же -- засвидетельствовал множество фактов насилия людей над себе подобными, фактов жестокости, достойной разве что средневековья в расхожих представлениях о нем.

Феномен насилия (а именно так можно обозначить данное явление) непонятен на первый взгляд как раз потому, что XX век стал веком, провозгласившим гуманное отношение к психически больным, военнопленным и даже к преступникам, не говоря уже о законопослушных членах общества.

Проблемы семейного насилия есть отражение общественных проблем, тех негативных процессов, что протекают в современном обществе, процессов, обусловленных множеством факторов: от экономических и социально-психологических до политических и экологических.

Общая гуманизация сфер жизнедеятельности современного общества, о которой упоминалось во введении, произошла в основном в юридическом плане. Безусловно, на фоне истории человеческого общества с бесчисленными войнами, казнями, массовыми репрессиями, произволом и т.п., юридический запрет жестокости (пыток, публичных казней, унижительных и калечащих наказаний) есть огромное достижение. Однако проблема жестокости не есть только правовая проблема, и соответственно, она не может быть решена только правовыми средствами.

XX век знаменовал собою в числе прочих изменений в человеческом обществе еще и максимальное раскрепощение индивида. Но свобода является не только и даже не столько юридической или экономической категорией, но в первую очередь, на наш взгляд проблемой психологической, а следовательно, и социальной.

Можно дать человеку юридическую свободу, это, несомненно, приведет к общественному прогрессу, тем более, если будет сочетаться со свободой экономической. Но гораздо сложнее научить этой свободой пользоваться в повседневной жизни.

Полная (абсолютная) свобода невозможна, это сделало бы каждого индивида полностью свободным от обязательств любого рода, а это, разумеется, несовместимо ни с какими формами общественной жизни. Ограничения же, которые вынужденно должны быть наложены на индивида и окружающих его, не всегда воспринимаются адекватно как самим индивидом, так и его окружением, состоящем, в сущности, из ему подобных.

Осознание индивидом личной свободы может привести к последствиям, не всегда точно прогнозируемым. Многое зависит от того, что понимает индивид под личной свободой и готов ли он предоставить ту же меру свободы другим.

Если же свобода ассоциируется со вседозволенностью, это может стать негативным фактором, провоцирующим асоциальные установки личности. Но если личная свобода вообще не осознается индивидом как ценность, то естественно, трудно ожидать, что он будет уважать личную свободу других.

Такой человек чаще, чем другие будет склонен решать свои проблемы с помощью насилия.

«Преступление и насилие – часть современной культуры <...> Преступление и насилие лежат в сопредельных областях жизни организованного общества, определяющего границы конформного поведения и виды поведения, к которым оно нетерпимо» -- писал американский криминолог В.Фокс .

Проявления насилия, в том числе семейного, считаются преступными во всех случаях, за исключением насилия, применяемого по отношению к самому преступнику, но и в этом случае, оно ограничивается рамками закона.

Но криминологическая практика свидетельствует о том, что насилие как общественное явление имеет тенденцию если не к росту, то по меньшей мере, к сохранению на прежнем уровне. Так в 1999 г. по сравнению с 1986 г. число насильственных преступлений против личности (ее жизни, здоровья, свободы, половой неприкосновенности) выросло почти в 3 раза. За истекшие годы положение практически не изменилось.

Мы можем констатировать и такой факт, что жестокость, исключенная законодательным образом из общественной сферы (из официальных мер наказания) осталась во взаимоотношениях людей в сфере личной жизни, т.е. прежде всего в семье. Широко известно, что большинство убийств, совершаемых в настоящее время, относится к так называемым «бытовым», т.е к убийствам близких

родственников, членов семьи. Кроме таких крайностей, значительное количество проявлений семейного насилия имеет следствием нанесение вреда здоровью, в том числе психическому.

Причины этого явления, как уже говорилось, весьма разнообразны. Даже экологическое неблагополучие нельзя оставить без внимания, поскольку неблагоприятная окружающая среда тоже влияет на физическое и психическое здоровье человека, а состояние здоровья, в свою очередь на его поведение. И хотя экологические факторы не являются непосредственной причиной проявлений насилия, но определенную роль, пусть опосредованно, играют и они.

В России в последние годы принято искать везде и всюду экономические предпосылки и причины любого социального явления. Разумеется, такие причины, как проживание многих семей за чертой бедности, низкую заработную плату, безработицу и страх потерять даже низкооплачиваемую работу и пр. нельзя сбрасывать со счетов. Тяжелое материальное положение негативно влияет на нервную систему человека и его эмоциональную сферу, а выход отрицательным эмоциям очень часто дается в насилии.

Но сводить все только к материальным факторам нельзя. Во-первых, по сравнению в 90-ми годами прошедшего века, материальное положение большинства людей улучшилось, хотя еще и не достигло того уровня, который может считаться нормальным. Во-вторых, проявления семейного насилия нередки и в материально благополучных семьях. Они же составляют серьезную проблему для развитых стран зарубежья: США, Великобритании, Германии и др.

Но бесспорно, что годы реформ в России не прошли бесследно и в плане негативного воздействия на многие социальные институты. Общая нестабильность стала источником постоянного раздражения, которое усугублялось ломкой общественных отношений практически во всех сферах жизни и практически полной перестройкой аксиологической системы, как на официальном уровне, так и в быту. Эта перестройка как раз слабее всего сказалась на отношении к женщине, (мы вернемся к этому ниже), но в остальных вопросах она перевернула жизненные представления большинства.

После жестких идеологических установок возможность выбора собственного мнения застала многих врасплох. Раскрепощение обернулось хаосом. Вчерашние запреты стали нормой поведения. Такие психологические встряски на макро- и микро-уровне не могли пройти быстро и без негативных последствий, и не прошли.

Всплеск преступности 90-х годов, в том числе насильственной преступности, был детерминирован не только экономической ситуацией в стране, развалом и хаосом производства, но и психологической напряженностью.

Но если бы только нестабильность экономики и переоценка ценностей на общественном уровне были причинами увеличения числа проявлений семейного насилия, то обстановка в сегодняшней России должна была бы способствовать их уменьшению, чего не происходит.

Широко распространено мнение, что люди, допускающие насилие в отношении своих близких являются психически нездоровыми. Изучение медиками и психологами особенностей родителей, которые жестоко обращались со своими детьми, показало, что среди них действительно чаще, чем в общей популяции, встречаются психические заболевания. «У них имеется ряд психологических, поведенческих или личностных особенностей: импульсивность, низкая самооценка, незрелость, склонность к диктату и агрессии, зависимость, отгороженность от семьи и друзей, многие испытывали супружеские проблемы».

Однако жестокость в обращении с детьми представляет собою гораздо более сложное явление, нежели следствие патологии отдельной личности. При этом следует заметить, что в нашей стране практически не ведется изучение проблемы семейного насилия в отношении женщин, специалисты ограничиваются, как правило, проблемами жестокого обращения с детьми. Это, безусловно, одна из серьезнейших и важнейших проблем современного общества, но она не должна заслонять проблемы смежных областей.

Если в определенной степени изучена проблема семейного насилия в отношении детей: выявлены и проанализированы причины, выработаны отдельные психолого-педагогические рекомендации по профилактике и реабилитационной работе, созданы некоторые (хотя и недостаточные) правовые предпосылки для решения этой проблемы, то защита женщин от проявлений семейного насилия находится в эмбриональном состоянии.

Собственно, в сущности, нет даже официального признания существования подобной проблемы. Для этого потребовалось бы признать достаточную массовость явления, а также необходимость защищать именно женщин. Эта проблема только начинает осознаваться на уровне общества. Довести ее в полной мере до сведения государства еще предстоит.

К сожалению, в нашей стране сложилась такая практика, что понятие защиты субъекта (личности) мы ассоциируем прежде всего с правовой защитой. Но учитывая юридическое равноправие женщин, не приходится говорить о том, что им гарантированы особые формы этой защиты.

К тому же у правовой защиты есть и известные недостатки, обусловленные самой ее природой: многочисленные требования к формальностям, малая гибкость, медленное реагирование на проблему.

Если даже мы сию минуту признаем женщину особым субъектом российского права и захотим выработать нормативные акты, обеспечивающие ей повышенную защиту, на это уйдут годы. А конкретные личности в немалом числе нуждаются в этом уже сейчас.

Система социальной защиты в нашей стране также не рассчитана на защиту женщины. Управления социальной защиты населения занимаются в основном проблемами материальной помощи, причем в категории лиц, могущих на эту помощь рассчитывать, женщина попадает, только став многодетной матерью или матерью-одиночкой. Общественные центры помощи семье оказывают психологическую и медицинскую помощь, но они также ориентируются по большей части на защиту детей.

Общей проблемой для государственных и общественных служб этой сферы является слабость материальной базы, из-за чего трудно рассчитывать на действительно эффективную помощь: требуется оплачивать труд специалистов и т.п.

Кризисных центров, оказывающих помощь женщинам, пострадавшим от семейного насилия, в России очень мало. Мы вернемся к этой проблеме в соответствующем параграфе данной работы.

Тем не менее, теоретические разработки по борьбе с семейным насилием в отношении женщин, по большей части зарубежные, но и отечественные, существуют, хотя и в явно недостаточном количестве, и тем более, редко они воплощаются в жизнь. Следует также заметить, что зарубежные методики такого рода не всегда эффективны в России, поскольку слишком заметно различие в менталитете и установках общественного мнения.

Любой вид насилия, в том числе насилия семейного, является в конечном итоге, примером искаженных взаимоотношений между людьми.

Ученые, исследовавшие проблемы жестокого обращения с детьми, и практики, работавшие с пострадавшими и их семьями, обратили внимание на то, что семейное насилие имеет тенденцию воспроизводиться из поколения в поколение. Примерно, 25% людей, которые подвергались жестокому обращению в детстве, сами, будучи родителями, допускали насилие по отношению к собственным детям.

Согласно психоаналитической теории, поведение родителей по отношению к своим детям в значительной степени отражает тот опыт отношений, которые они пережили и усвоили во время своего детства. Примерно то же самое можно сказать и о супружестве

Отношения между супругами во многом экстраполированы с отношений между их родителями. Иногда муж и жена являются носителями абсолютно разных установок, определяющих их роль в семье, это происходит, если они воспитывались в семьях с противоположными взглядами. Противоречия эти могут сгладиться, а могут послужить источниками конфликтов, приводящих в итоге к разводу.

Но есть один интересный, на наш взгляд психологический момент. Обычно считается, что именно противоречащие ролевые установки мужа и жены, унаследованные ими в родительских семьях, служат источниками конфликтов, губящих семью. Из чего логически вытекает, что счастливым и прочным будет брак, где подобные установки совпадают.

Однако простого совпадения мало. Случаи семейного насилия над женщинами, если не принимать во внимание те, что обусловлены патологиями психики или алкоголизмом (наркоманией), чаще происходят в семьях, где «совпадают» следующие установки: мужчина – глава семьи, в своих поступках он руководствуется только своими желаниями и никому не дает отчета. Женщина должна безоговорочно подчиняться, идеально вести хозяйство и заботиться о своем «повелителе».

Если подобные установки совпадают у обоих супругов, то каждый из них воспринимает как должное хотя бы психологическое насилие над женщиной, обращаясь за помощью только в крайних случаях насилия физического, достигающего до масштабов преступного, т.е. преследуемого в уголовном порядке.

На то есть свои социальные причины, порожденные особенностями именно российского менталитета.

В прошлом, мужчина (и не только в России) претендовал на роль полного хозяина в своем доме по причинам экономико-правового характера. Он являлся «кормильцем», он же был субъектом права. Рычаги экономические и юридические были полностью в его руках.

Женщина являлась либо женой, либо дочерью, либо незамужней родственницей, имеющей тем меньше прав, чем меньше было ее финансовое состояние, которым она обычно все равно не могла распорядиться без опекуна. «Только отец имел права власти, а мать была во власти мужа наравне с детьми».

В настоящее время такое отношение к женщине является чисто психологическим пережитком. Совершеннолетняя незамужняя женщина может быть независимой от власти родителей или иных опекунов, может распоряжаться собой в полной мере. Для того чтобы социализироваться в обществе ей не требуется юридически быть чьей-то женой или дочерью, поскольку она есть субъект права. Конечно, у нее существует определенная потребность в семейном очаге, но она уже не абсолютизирована. Женщина может реализовать себя как личность и вне семьи. К этому нет препятствий юридических или экономических, как в прошлом, однако есть причины социально-психологические.

До сих пор в сознании среднестатистического российского обывателя (независимо от его пола) укоренено убеждение, что женщина может реализовать себя полностью только в семье, а одинокая (т.е. незамужняя) женщина есть существо ущербное.

Это не стоило бы упоминания в данной работе, если бы не приводило к огромному числу случаев семейного насилия над женами, которые, тем не менее, боятся потерять мужа, а поэтому не обращаются ни в милицию, ни в службы социально-психологической помощи.

Еще страшнее, что аналогичным образом иногда складывается ситуация с насилием в отношении детей. Дети, лишенные родительского надзора и родительской заботы, а также дети, которые воспитываются в семьях с активной асоциальной или антисоциальной установкой, представляют собою во многих случаях криминогенный либо виктимогенный контингент.

В учебном пособии «Криминология», написанном авторским коллективом под редакцией А.И. Долговой приводятся следующие цифры:

Численность сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в конце XX столетия в России превысила 600 тыс. человек. При этом ежегодно жертвами семейного насилия становятся ежегодно более 2 млн. детей. При этом удельный вес несовершеннолетних преступников в общем числе составлял по данным 1999 г. 10, 7%, а число привлеченных к административной ответственности подростков составило более 700 тыс. человек и еще почти 90 тыс. несовершеннолетних не привлекались к ответственности за совершение общественно опасных деяний по причине недостижения возраста уголовной ответственности

При этом необходимо иметь в виду еще и уровень латентных деяний, а также возможность занижения официальной статистики, которая иногда имеет место.

Подобная картина отчасти сложилась вследствие того, что правовое преследование нарушителей семейных прав оставляет желать лучшего. Случаи семейного насилия становятся предметом судебного и даже административного разбирательства гораздо реже, чем следует.

Проблема формально-правового характера заключается в том, что подобные правонарушения часто преследуются в порядке частного обвинения, поэтому не доходят до сведения правоохранительных органов, куда потерпевшие просто не обращаются за защитой, а обратившись часто забирают заявления и отказываются от юридического преследования виновного. Из-за этого же высока латентность такого рода правонарушений.

Данная картина наблюдается не только в тех случаях, когда жертвой насилия становится взрослая женщина, но и тогда, когда речь идет о нарушении прав и интересов детей одним из родителей (обычно – отцом).

Общественное мнение в принципе исповедует правило «лучше плохой отец, чем никакой», поэтому отцы, которые жестоко обращаются с детьми, несут ответственность за это, как правило, только по представлению школы, органов опеки и попечительства и т.п., хотя можно предположить, что в первую очередь за детей должна вступить мать.

Таким образом, данная проблема не может быть решена исключительно правовыми методами, так же, как не является панацеей и экономическая стабильность. Только уважение к личности, привитое с детства, может сыграть здесь решающую роль, все остальные меры носят вспомогательный характер.

1.2. Виды и формы насилия

«Насилие – насильственное нападение на человека. Обычно употребляется в отношении физических нападений, но фразы, подобные таким как «вербальное нападение» и «психологическое нападение» встречаются все чаще».

Это говорит о том, что виды и формы насилия достаточно разнообразны, но трудно было бы сказать, какие из них более, а какие менее опасны. В данном вопросе следует исходить из последствий насилия, которые во многом определяются конкретной ситуацией, в которой происходит акт насилия, а так же личностью насильника и жертвы.

В рамках данного исследования мы должны придерживаться вопросов, связанных с насилием внутри семьи, поэтому любое насилие, в какой бы то ни было форме, может рассматриваться нами как априори неправомерное. Насилием нельзя считать правомерные запреты как проявление родительской власти, если эти запреты продиктованы педагогической необходимостью.

Вообще, следует заметить, что само представление о насилии, в том числе о насилии в семье, как о негативном явлении, обязано тому, что общество в целом ориентировано на защиту интересов слабого, и на осуждение насилия как такового. Несколько веков назад убийство мужем жены, например, в случае измены, а также отцом детей за неповиновение родительской воле не рассматривалось обществом как преступление: глава семьи был волен казнить и миловать домочадцев по своему усмотрению.

Женщина и несовершеннолетние дети должны были стать субъектами, а не объектами права, чтобы получить возможность распоряжаться собой, хотя бы в определенной степени. Но в свою очередь, прежде чем возник вопрос о юридическом равноправии женщин, общество должно было «дорости» до мысли о необходимости этого равенства.

Русский юрист И.А. Покровский в свое время писал: «...в истории семейственных отношений мы видим, что эти отношения совершили огромный принципиальный путь. Пусть путь этот еще не закончен, но общее направление его несомненно: конечной целью его является всестороннее освобождение личности – освобождение личности жены от власти мужа, личности детей от эгоистической власти родителей, личности супругов от власти государства. Нынешняя семья резко отличается от семьи старой, патриархальной: если в то время семья была крепким юридическим единством, спаянным абсолютной властью домовладыки, то теперь она только союз самостоятельных лиц <...> Такое перестроение семьи

производит впечатление ее кризиса, и часты жалобы на разложение семьи, на губительное влияние индивидуализма. Но возврат к прошлому невозможен, и всякое усиление принудительного элемента в семейных отношениях приведет только к еще большему их извращению. Если семья действительно переживает кризис, то здоровый выход из этого кризиса она найдет только в полном осуществлении тех новых начал, которые диктуются современным правосознанием»

Несмотря на то, что эти строки были написаны около ста лет назад, они не утратили своей актуальности, что свидетельствует не только о таланте Покровского, но и об определенных застойных моментах в общественном сознании. Преодоление их, видимо, займет еще немало времени, но это необходимо. Если не будут продолжаться определенные процессы эмансипации, (поскольку формально-юридическая эмансипация не означает моментальных качественных изменений в жизни общества), то будут усиливаться тенденции подавления личности, прежде всего объективно более уязвимой. А женщины и дети в силу особенностей эмоциональной сферы относятся именно к таким субъектам.

Некоторая консервативность общественного мнения в России обусловила еще одну особенность изучаемой нами проблемы: довольно значительная часть россиян не осознает как насилие проявления «вербального нападения», придает мало значения психическому насилию, не отождествляя эти действия с подавлением личности, признавая за насилие только причинение физического вреда.

Между тем, не только зарубежное, но и российское право предусматривает существование такой формы насилия как психическое, хотя у нас, в отличие от зарубежного права не сформулировано на законодательном уровне понятие «моральная жестокость»

Однако специалисты-психологи различают четыре вида жестокого обращения: физическое, сексуальное, психологическое (эмоциональное) и пренебрежение основными нуждами. Если последний вид традиционно относится к проявлению жестокости в отношении детей, то остальные касаются и детей и женщин.

Пренебрежение основными нуждами считается моральной жестокостью. Однако, на наш взгляд, последнее понятие несколько шире, оно может включать в себя и проявления психологического (эмоционального) насилия.

При этом, как уже было отмечено, законодательно закреплены только понятия физического и сексуального насилия в описании объективной стороны соответствующих составов преступления в УК.

Кроме того, эти же понятия раскрываются в трудах психологов. Так под физическим насилием понимается преднамеренное нанесение физических повреждений, в результате чего у потерпевшего возникают физические и/или психические расстройства, либо летальный исход. Физическое насилие может быть однократным или хроническим.

В России по данным психологов к физическим наказаниям для детей лояльно относятся даже некоторые специалисты педагоги и врачи. Примерно то же можно сказать в отношении применения физической силы к женщинам. Обычно это оправдывается поговоркой «бьет, значит, любит».

Практически все родители, допускающие физическое насилие по отношению к детям, сами подвергались в детстве такому же воздействию. Они отождествляют себя с насильником и с идеей о том, что такое наказание является единственной эффективной воспитательной мерой. Обычный аргумент таких родителей: «Меня тоже в детстве били, и я очень благодарен своим родителям, что они сделали из меня человека».

В отношении физического насилия применяемого в семье к женщине также можно констатировать, что подобное поведение детерминировано установками, вынесенными из родительского дома. Если в родительской семье поднимали руку на женщину, то во многих случаях такой образ действий переносится в собственную семью. Причем женщина, мать которой подвергалась подобному насилию, может воспринимать такое поведение мужа как должное, а отчасти даже провоцировать его.

Так Н. изменяла мужу, не особенно пытаясь скрыть это. Когда муж узнавал об очередном факте измены, он избивал Н. Она жаловалась соседям, участковому, писала заявления в милицию, чтобы на следующий день забрать их. В кризисные центры за психологической помощью не обращалась, несмотря на то, что получала такие предложения.

В очередной раз Н. была избита так, что попала в больницу. Действия ее мужа были квалифицированы как причинение средней тяжести вреда здоровью, поэтому дело перешло из частного обвинения в публичное, где дело не могло прекратиться за примирением сторон. На суде Н. тем не менее говорила, что претензий к мужу не имеет и просила суд не назначать ему наказание, связанное с лишением свободы.

Психических отклонений у Н. не нашли. Причина подобно поведения состояла в том, что она была убеждена: единственный способ проявления чувств мужчины это ревность, проявляющаяся в нанесении побоев. Эту ревность она и стремилась вызвать. Подобный сценарий был унаследован Н. от родительской семьи, где по ее словам, отношения строились сходным образом.

Своего рода катализатором поведения Н. была еще ее склонность к употреблению алкоголя, хотя и не доходящая до степени алкоголизма.

Особенности индивидов, допускающих физическое насилие в семье можно свести к следующим характеристикам:

- большинство в детстве сами подвергались физическому насилию или были свидетелями применения такого насилия к матери

- низкая самооценка

- импульсивность

- враждебность

- затруднения в распознавании собственных потребностей и потребностей членов семьи

- в стрессовой ситуации думают прежде всего о себе

- ожидают от ребенка «взрослого» поведения

- предъявляют к ребенку и другим членам семьи завышенные требования

- воспринимают ребенка как воплощение собственных несбывшихся чаяний.

Сексуальное насилие по отношению к детям может определяться не только понятием «насильственный половой акт», но и понятием «развращение», т.е. вовлечение ребенка с его согласия или без такового в прямые или не прямые акты сексуального характера со взрослым с целью получения последним сексуального удовлетворения.

В обществе существуют мифы, «объясняющие» причины насилия в отношении детей, особенно, если речь идет о насилии сексуальном. Об одном из этих мифов мы уже упоминали: насильники – люди, страдающие психическими заболеваниями. На самом деле, в большинстве случаев, это нормальные люди, имеющие психологические особенности, часто связанные с тем, что они сами в детстве подвергались сексуальному насилию или пережили другой вид жестокого обращения.

«Жертвой изнасилования может быть любая женщина – молодая и старая, красивая и уродливая – и поскольку каждый понимает, что «дешевле» уплатить проститутке, чем сидеть в тюрьме, приходится прийти к выводу, что изнасилование представляет собою несексуальное использование секса, выражающее агрессивность и злобу, порожденные объективной невозможностью проявить себя мужчиной социально одобряемым способом»

Побудительными мотивами сексуального насилия в семье чаще всего выступают чувство эмоционального комфорта, которое насильник испытывает, «побеждая» свою жертву и неспособность по различным причинам или отсутствие возможности удовлетворять свои сексуальные потребности вне семьи.

Разумеется, даже при наличии этих мотивов у потенциального насильника имеются социальные и нравственные барьеры, препятствующие осуществлению контактов с детьми и вообще насильственному сексу. И тогда вступает следующий фактор: внешние и внутренние обстоятельства, снимающие этот запрет. К их числу относятся употребление алкоголя, наркотиков, наличие у насильника психических заболеваний. Сюда же относится отсутствие присмотра за ребенком.

Для семей, где происходит сексуальное насилие детей характерны

- патриархально-авторитарный уклад семьи;
- использование физического насилия (телесных наказаний);
- конфликтные отношения между родителями, включая проблему интимных отношений между ними;
- частая смена сексуальных партнеров родителя (отчимов, мачех);
- чрезмерная занятость второго родителя на работе или иные обстоятельства, мешающие ему осуществлять надлежащий надзор за ребенком.

Сексуальное насилие, особенно в отношении детей, включает широкий спектр действий, которые можно определить как сексуальное злоупотребление. Но если для решения вопроса о сексуальном насилии в отношении ребенка не имеет значения его согласие на сексуальные действия, поскольку ребенок находится в зависимом от взрослого положении и не может понимать значения таких действий и давать им оценку, то в случаях сексуального насилия над совершеннолетней женщиной, приходится иногда с трудом определять, имело ли место насилие.

Сексуальное насилие может иметь место и внутри и вне семьи. Согласно данным ПСМЦ «ОЗОН» г. Москвы, частота внутрисемейного и внесемейного сексуального насилия над детьми относится примерно как 1:1 . В отношении женщин такая статистика просто не ведется, впрочем, очевидно, что внесемейное сексуальное насилие здесь превалирует, но остаются, как правило, латентными случаи внутрисемейного .

Психологическое насилие сопровождает все другие формы насилия, однако в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века его выделили в самостоятельную форму, поскольку, как показали наблюдения, последствия психологического (эмоционального) насилия могут быть еще более пагубны и разрушительны, чем при других его формах.

Под психологическим (эмоциональным) насилием понимается однократное или хроническое психическое воздействие, враждебное или безразличное отношение, вызывающее у объекта насилия нарушение самооценки, утрату веры в себя, затрудняет социализацию и развитие ребенка.

Существует множество проявлений психического или эмоционального насилия, которые можно объединить в пять основных форм:

1. Игнорирование.

- лишение необходимой эмоциональной стимуляции и эмпатии;
- пренебрежение потребностью в общении;
- отсутствие проявлений привязанности.

2. Отвержение.

- предъявление чрезмерных (заведомо невыполнимых) требований;

- открытое неприятие, постоянные критические сравнения;

- публичные унижения.

3. Угрозы, терроризирование.

- угроза избиения;

- бранные слова;

- унижительные наказания.

4. Изолирование.

- установление ограничений на контакты с другими людьми;

- запрет или ограничение на выход из дома.

5. Развращение.

- побуждение к антисоциальному поведению (вовлечение в проституцию, бродяжничество);

- вовлечение в употребление алкоголя (наркотиков);

- поощрение саморазрушающего поведения.

Семьи, где происходит психологическое насилие, практикуют авторитарный деспотичный тип взаимоотношений. Это могут быть семьи, в которых наряду с экономическими проблемами нарушен психологический климат. Среди таких семей часто встречаются злоупотребление алкоголем, наркомания, нарушения психики у одного или обоих супругов.

В доктрине семейного права разбирается понятие моральной жестокости, но в основном по отношению к детям, поскольку речь в таком случае идет об основании для лишения родительских прав.

Возможно, проблема заключается в том, что в условиях юридического равноправия женщины в семейном и гражданском праве наше общество, как и законодатель, и правоприменитель пытается отождествить понятие юридического равноправия с фактическим равенством женщины и мужчины во всех сферах жизнедеятельности общества, несмотря на то, что такому «равенству» противоречат физиология и психология.

В отличие от зарубежного семейного и гражданского права, отечественная юридическая теория и практика не предусматривает исчерпывающего перечня оснований для развода. С одной стороны, это означает более свободный подход к правовой охране семейных отношений и позволяет точнее учитывать специфику каждой ситуации.

С другой стороны, в зарубежной теории и судебной практике обязательно присутствует и раскрывается понятие «моральной жестокости» по отношению к женщине (т.к. супруг обычно считается юридическим главой семьи и, следовательно, более значимым субъектом, но вследствие этого же, он наделяется и повышенной ответственностью за семью, в том числе и за жену) .

Моральная жестокость, т.е. психологическое насилие, является одним из поводов для развода по инициативе супруги, но по вине мужа. В результате чего женщина может рассчитывать на алименты, причем не только для детей, но и для себя. Сумма алиментов должна позволить ей не работать, если она не работала в период брака.

Выражаться моральная жестокость может в различных формах: словесные оскорбления, отказ в исполнении супружеского долга и т.п. Возможно, нецелесообразно включать в Семейный кодекс РФ исчерпывающий перечень причин к разводу, но некоторые заимствования из зарубежного семейного права стоило бы сделать.

Пренебрежение основными нуждами детей также является проявлением жестокости, и подобные факты даже могут послужить основанием для возбуждения дела о лишении родительских прав, хотя иск о лишении может быть и отклонен после судебного разбирательства и исследования обстоятельств дела.

Так в результате рассмотрения дела о лишении родительских прав супругов Н. в отношении троих несовершеннолетних детей на основании того, что ответчики детьми не интересуются, уходя на работу бросают их в грязной, холодной квартире, где отсутствует необходимая мебель и не работает сантехника, а также не оставляют им продуктов питания, в результате чего дети голодают и часто болеют, суд пришел к выводу, что в данном случае все-таки можно ограничиться предупреждением, поскольку супруги Н. в ходе заседания пообещали уделять детям больше внимания и привести квартиру в состояние, пригодное для проживания.

Существуют также ситуации, где родители имеют неверное представление о нуждах ребенка. Часто это объясняется наличием у них психических заболеваний.

Так Т.Я. Сафонова приводит следующий пример из своей практики:

«... психически больные родители имели идею-фикс – создание экологически чистой среды для воспитания ребенка. С этой целью они держали младенца в условиях первобытности: он лежал на шкуре, где и опраивался, для закаливания его засовывали в холодильник, он не имел теплой одежды зимой, к нему не допускали медицинский персонал из-за того, что врачи и медсестры пользовались косметикой»

В данном случае злоупотребление родительскими правами имело под собой несколько необычные основания: желание сохранить здоровье ребенка, которое, реализуясь таким способом, едва не привело к его гибели. При этом психическое заболевание родителей не исключало их вменяемости, т.е. подобрать формальное основание для лишения их прав довольно затруднительно.

Представляется, что в таких случаях можно обойтись ограничением родительских прав, но можно ли отобрать ребенка, если нет ни вины родителей, ни достаточно серьезного диагноза для признания их недееспособными? Если нет, то эту проблему следует решать не правовыми мерами, а социально-психологическими. Юридические меры предусматривают, как правило наличие вины субъекта, а именно этот элемент состава правонарушения здесь отсутствует, не считая даже того, что психически больные люди не могут быть субъектами правонарушения, за исключением тех случаев, когда их психическое расстройство не исключает вменяемости.

В рассматриваемом выше случае действия родителей нельзя назвать виновными, хотя они и причиняли вред ребенку. Но подобное поведение родителей как раз диктовалось стремлением позаботиться о здоровье ребенка, но психические отклонения родителей привели на практике к противоположному результату.

Правовые меры здесь если не бессильны, то практически бессмысленны. Такие родители нуждаются в психиатрической и психологической помощи, которую им могли бы оказать в соответствующей социально-медицинской службе.

1.3. Правовые аспекты решения проблем насилия в семье

В РФ защита от жестокого обращения, в том числе внутрисемейного, осуществляется с помощью норм гражданского, семейного и уголовного права. Естественно, что в рамках этих отраслей существенно различаются правовые средства.

В комплексе мер ответственности родителей за ненадлежащее поведение по отношению к детям семейно-правовая ответственность занимает особое место. «Содержание семейной ответственности за ненадлежащее воспитание детей заключается в устранении обязанных лиц от личного воспитания детей, воплощающееся в различных формах, зависящих от основания возникновения правоотношений по воспитанию» .

Семейно-правовая ответственность применяется за совершение правонарушений, предусмотренных нормами семейного права. Напомним, что в целом юридическая ответственность как таковая характеризуется следующими признаками: реализуется от имени государства, только за виновное деяние, рассматриваемое законом в качестве правонарушения, означает обязанность нарушителя претерпеть неблагоприятные последствия, связанные с его неправомерным поведением, выражает отрицательную оценку поведения нарушителя и преследует помимо карательной цели – превентивную: предупреждение дальнейших правонарушений, как со стороны наказанного лица, так и со стороны других лиц.

Учитывая выше изложенное можно сделать вывод о том, что применение ответственности к нарушителю означает применение государственного принуждения аппаратом, на который возложено обеспечение исполнения обязанности нарушителем. Ответственность возникает не из правомерного факта, а в результате совершенного правонарушения. Юридическая ответственность всегда есть известное воздействие на правонарушителя, выражающееся в наступлении неблагоприятных последствий для него.

Юридическая ответственность имеет как компенсационный характер, выражающийся, например, в восстановлении нарушенного субъективного права, так и карательный (применение к правонарушителю уголовного наказания). Ст. 156 УК РФ предусматривает уголовную ответственность родителей за уклонение от воспитания несовершеннолетних детей, если это сопряжено с жестоким обращением. К сожалению, эта статья используется гораздо реже, чем следует, к тому же суд слишком часто на наш взгляд, в подобных делах пользуется правом назначать наказание ниже низшего предела нормы закона.

Так в Чертановском межмуниципальном суде г. Москвы рассматривалось дело о лишении родительских прав С. в отношении 15-летнего сына, мать которого умерла. В результате рассмотрения дела было решено привлечь С. к уголовной ответственности по ст. 156 УК, т.к. уклонение от воспитания сына было сопряжено в данном случае с жестоким обращением. Проявлениями такого обращения суд признал избивание подростка ремнем, отсутствие заботы отца о его питании и учебе. С. был осужден к 1 году лишения свободы условно. Но приговор не был приведен в исполнение в связи с амнистией.

Исходя из обстоятельств данного дела, представляется возможным гораздо более обширное применение ст. 156 УК, даже если наказание остается почти символическим. Ужесточение наказания за деяние, предусмотренное данной статьей в соединении с лишением родительских прав, на наш взгляд сыграло бы положительную роль, как в частной, так и особенно в общей превенции. Тогда не было бы необходимости говорить о возможностях рассмотрения дел о семейных правонарушениях исключительно в уголовном процессе, поскольку это предложение по ряду обстоятельств, к сожалению, неприемлемо.

Следует упомянуть о том, что предложение о передаче дел по лишению родительских прав в уголовный процесс высказывалось неоднократно. Однако такие изменения потребуют и соответствующей корректировки УК РФ, в частности внесения туда статей, устанавливающих уголовную ответственность за семейные правонарушения. Тогда наказание за совершение этих деяний повлечет за собою судимость родителей, лишенных родительских прав.

К тому же, если рассматривать семейное право как самостоятельную отрасль, то с данной точки зрения это предложение не может быть реализовано. У семейного и уголовного права совершенно разные предметы и методы правового регулирования, и если гражданское право близко к семейному по некоторым категориям, то это делает всего лишь возможным рассмотрение споров, вытекающих из семейных правоотношений, но при этом семейное право остается самостоятельной отраслью, а не подотраслью гражданского, как считает М.В. Антокольская, и уж тем более, не уголовного.

Однако в свете вышеизложенного нелишним представляется ужесточение мер по отношению к лицам, грубо пренебрегающим своим родительским долгом, злоупотребляющим родительскими правами. Существует немного мер, которые в данной области могли бы оказаться неоправданно жесткими. Поэтому, возможно, будет целесообразным, применение к лицам, лишенным родительских прав на

основании наличия заболевания алкоголизмом или наркоманией, особенно в хронической стадии, такой меры как принудительное лечение, для этого нужно внести соответствующие изменения в главу 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера».

Лица, лишённые родительских прав на данном основании могли бы направляться на принудительное лечение автоматически: на основании того, что они были лишены родительских прав ввиду алкоголизма или наркомании. То есть, при вынесении решения о лишении родительских прав, если причиной лишения стало злоупотребление алкоголем или одурманивающими средствами, суд в качестве дополнительной меры назначает принудительное лечение как санкцию.

Тогда лишение родительских прав – мера защиты интересов детей и мера ответственности родителей, которых лишают вытекающих из этих прав преимуществ: получение пособий, льгот, наследование имущества и т.п. Но помимо этого, принудительное лечение от алкоголизма или наркомании будет являться и мерой защиты интересов общества, страдающего от алкоголиков и наркоманов, а в конечном итоге, оно отвечает и интересам самого субъекта, подвергающегося принудительному лечению. Суд может не применять эту меру, если субъект согласен начать лечение добровольно.

В решении можно указывать, что если субъект не начнет добровольное лечение в течение, например, календарного месяца со дня окончания судебного разбирательства, то его направляют в стационар принудительно.

По успешном прошествии курса лечения можно будет в ряде случаев ставить вопрос о восстановлении родительских прав.

Но для этого, необходимо еще либо согласиться с предложением М.В. Антокольской, о передаче дел о лишении родительских прав из гражданского судопроизводства в уголовное, либо внести дополнения в ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (п.4 ст. 11, ст. 13). О невозможности принять первое мы уже говорили, поэтому более целесообразным представляется внесение изменений в ФЗ.

Возможно, такие меры послужат и общей и частной превенции злоупотребления родительскими правами. Само по себе лишение этих прав значительной части лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, полностью безразлично. В связи с чем необходимы какие-то правовые последствия, могущие иметь для таких лиц значение устрашения, если более ничего не может удержать их от

правонарушения.

Ст. 69 СК РФ содержит перечень оснований для лишения родительских прав. Одним из этих оснований является жестокое обращение с ребенком, причем понятие «жестокое обращение» включает в себя все проявления насилия, в любом виде и форме, о которых говорилось выше.

То, что перечень оснований для лишения родительских прав, данный в СК, является исчерпывающим, с одной стороны упрощает, а с другой, напротив, усложняет деятельность правоприменителя. Этот перечень включает в себя практически все возможные ситуации, когда лишение родителей прав становится наиболее действенной мерой по защите интересов ребенка.

Но нельзя не обратить внимание на то, что закон обуславливает применение этой меры обязательной виной родителя. Если лишение родительских прав становится следствием правонарушения, то вина автоматически наличествует как элемент состава правонарушения, без которого сам состав отсутствует.

Исходя из этого, необходимо, чтобы в наличии были и остальные элементы состава, включая объективную сторону в виде действия или бездействия виновного. И здесь начинаются специфические для этой сферы правового регулирования сложности. Прежде всего, описание объективной стороны семейного правонарушения не отличается той четкостью, которая характерна, например, для описания составов административного правонарушения или уголовно-наказуемого деяния. Это, конечно, обусловлено в первую очередь спецификой семейных правоотношений, не поддающихся целиком и полностью какому бы то ни было внешнему регулированию, в том числе и правовому.

Но на практике правоприменителю (а перед этим истцу или заявителю) приходится иметь дело с теми или иными действиями родителей, которые надо квалифицировать, как виновно причиняющие вред ребенку, а при этом в ряде случаев требуется доказать наличие причинно-следственной связи между действиями родителя и наступившими вредными последствиями для ребенка.

Иллюстрацией этому может служить следующая ситуация: в августе 2003 г. на контроль уполномоченному по правам ребенка в г. Москве поступила информация о том, что нарушаются права малолетней Григорьевой М.Ю. 1998 г.р., мать, которой, Григорьева С.В. держит девочку на строжайшей диете, в связи с чем у истощенного ребенка началась депрессия и неврозы.

Мать пояснила, что диета назначена ребенку в связи с занятиями художественной гимнастикой, но список запрещенных продуктов составила сама, ссылаясь на рекомендации спортивного врача. Жалобу подал отец девочки, ссылаясь на то, что он по роду работы постоянно находится в командировках, не имеет возможности непосредственно заниматься воспитанием дочери, но требует, чтобы мать лишили родительских прав на основании жестокого обращения с ребенком.

Формально такое основание содержится в соответствующей статье СК, но необходимо определить, действительно ли имеет место жестокое обращение с ребенком, можно ли считать, что С.В. Григорьева морит дочь голодом, как заявляет отец, и подтверждают воспитатели детсада.

Сам по себе факт диеты для ребенка не является проявлением жестокого обращения, независимо оттого, продиктована ли необходимость диеты проблемами со здоровьем или занятиями спортом. Ограничение ребенка в питании не означает, что он голодает. Но определить это можно только на основании медицинского заключения, по результатам обследования, которое должно выявить, получает ли ребенок с диетической пищей необходимый набор веществ, обеспечивающий нормальное развитие и функционирование его организма.

В данном же случае справка об истощении организма была выдана медсестрой детского сада, прочие выводы делались на основании информации полученной от воспитателей. Но этой информации противоречат положительные характеристики Григорьевой с места работы и жительства, свидетельствующие о том, что она заботится о дочери.

Представляется, что в данном случае нет необходимости лишать С.В. Григорьеву родительских прав, поскольку она добросовестно заблуждается относительно вопросов питания ребенка, других же оснований для лишения прав нет. В любом случае вывод о негативном влиянии диеты на организм и о том, что диета стала причиной невроза, должна делать специальная комиссия на основании подробного обследования. Но и после этого целесообразнее ограничиться профилактической беседой с Григорьевой, разъяснив ей ее заблуждения.

И данную беседу, разумеется должны проводить не работники правоохранительных органов, а медики и психологи.

Лишение родительских прав – крайняя мера, направленная прежде всего на защиту ребенка, если возникает необходимость защищать его от родителей. Поэтому применение этой меры должно быть исключительным шагом .

Что касается насилия в отношении женщин, то правовая защита осуществляется здесь на общих основаниях, как защита от преступного посягательства любого субъекта, безотносительно к тому стал ли он жертвой внутри- или внесемейного насилия. С одной стороны, это облегчает деятельность правоприменителя, но с другой стороны, такой подход не учитывает особенностей ситуации, в которой женщина подвергается насилию внутри семьи.

Особенности эти состоят в том, что деяние субъекта правонарушения в данном случае часто подпадают под статьи закона, относящиеся к так называемому частному обвинению, т.е. дела возбуждаются только по заявлению потерпевшего и могут быть прекращены в случае примирения правонарушителя и потерпевшего.

Поскольку в случаях семейного насилия правонарушителем является обычно супруг (сожитель) женщины, то примирение сторон происходит довольно часто. Но всегда ли оно целесообразно? В ряде случаев женщина прекращает судебное преследование своего обидчика не потому, что он искренне раскаялся, а она простила его, а по иным причинам: боязнь людского осуждения («Мужа посадила!»), страх перед слабостью правовых мер («Вернется – еще хуже будет!») и т.п.

Представляется, что здесь бессильны только правовые меры, поскольку необходимо и формировать надлежащим образом общественное мнение, и развивать реабилитационную систему для жертв семейного насилия, и вести соответствующую профилактическую работу.

Человек, ставший супругом или родителем фактически и юридически, далеко не всегда осознает ответственность этого положения в силу самых различных причин. Но все они, так или иначе, сводятся к социальной деформации личности, к ее асоциальным установкам того или иного рода.

Во многих случаях эти установки могут быть следствием воспитания, полученного ими, или обусловлены возрастом самих несовершеннолетних родителей, а также могут быть связаны со злоупотреблением алкоголем, наркотическими средствами или увлечением азартными играми.

Таким образом, родители не осознают (не могут осознавать) своей ответственности перед детьми и перед обществом, а структуры, призванные внушать эту ответственность: органы образования, медицинские, психологические, социальные и юридические службы бездействуют, либо вообще отсутствуют.

Работа школьных педагогов с родителями и школьниками как будущими родителями сводится к формальным мероприятиям, чаще всего в форме бесед в официальном тоне. Присутствие в школьной программе предмета, связанного с семейными отношениями, не меняет положения дел. Во-первых, данный предмет является факультативным, во-вторых, его ведут не специалисты по семейным отношениям, а учителя, исключительно для прибавления часов, для увеличения заработной платы.

Специалисты же по данной тематике практически не готовятся высшей школой. Далеко не в каждой школе, особенно на периферии, имеется собственный психолог, а имеющиеся часто не обладают достаточной квалификацией. Множество социальных работников также не имеет специального образования.

Медицинские работники (например, врачи-педиатры) тоже уделяют проблемам родительской ответственности не так уж много внимания. Причина этого не только в недостаточном финансировании медицины в России, но и в неподготовленности врачей к такого рода работе.

Не приходится надеяться и на то, что подобные упущения будут исправлены органами опеки и попечительства или социальной защиты населения. Причины все те же: недостаточная квалификация специалистов и скудное финансирование. Эти проблемы должны решаться на федеральном уровне, хотя многое могли бы в этом направлении сделать и органы местного самоуправления.

Но в реформировании нуждается вся система работы с семьей. Практика показала, что имеющиеся на сегодняшний день в России структуры, как государственные, так и общественные не справляются с проблемами. И если общественные организации могут объяснить провалы в своей работе недостаточной опыtnостью функционирования, то в работе государственных организаций все проблемы, как правило, связаны с финансированием.

Поскольку недостатки финансовой системы не связаны непосредственно с темой данной работы, мы не будем останавливаться на этом вопросе, а перейдем к проблеме реформы структур.

За рубежом необходимые службы функционируют уже десятилетиями, и у нас есть возможность, изучив особенности их работы в различных странах выбрать наиболее приемлемые варианты, изменив их с учетом российской специфики.

Особенно слабо развита у нас психологическая помощь женщинам, ставшим жертвами семейного (да и иного) насилия.

Краткую характеристику работы существующих кризисных центров для женщин мы дадим в следующей главе.

Заключение

Несмотря на давность существования проблемы защиты от семейного насилия и его профилактики, ни психология, ни криминологи. Ни теория права не выработали пока однозначно приемлемых и реально применимых мер, за исключением психологических консультаций для пострадавших. Реальная польза от юридических консультаций пока меньше, чем могла бы быть, если бы наличие прав всегда обеспечивалось действующим механизмом их реализации. Но следует помнить, что психологическая и социальная поддержка становится по-настоящему эффективной, только если она обеспечена надлежащей правовой и материальной базой.

Сложности в решении этого вопроса обусловлены прежде всего тем, что семейные отношения вообще с трудом поддаются правовому регулированию, которое тем не менее, необходимо, поскольку без этого невозможно говорить о защите прав и помощи жертвам семейного насилия.

В России ежегодно выявляется свыше 100 тыс. детей, оставшихся без родительского попечения. Подавляющее большинство из них – социальные сироты, т.е. дети, брошенные родителями или отобранные у родителей, не выполняющих свои обязанности по отношению к детям.

Ежегодно российскими судами рассматривается более 20 тысяч дел, в решении которых применяется эта крайняя мер. При этом количество дел по восстановлению родительских прав неизмеримо меньше. Столь тревожные тенденции не могут не вызывать беспокойства. Противопоставить им можно только усиление мер защиты интересов детей, в том числе и правовых.

Однако, как ни странно это констатировать, еще меньше защищена в России в правовом и социальном отношении женщина, особенно, когда речь идет о защите от семейного насилия. Юридическое равноправие субъекта нельзя отождествлять с фактическим равенством. Женщина – жена и мать – нуждается в особой

поддержке государства и общества, и в настоящее время эта поддержка явно недостаточна.

Огромную помощь в этом плане может оказать институт добровольцев-волонтеров, который только начинает развиваться в нашей стране. Потребность общества в таких людях велика, достаточно и количество тех, кто мог бы справиться с этой работой и желал бы ею заниматься. Так что проблема состоит в том, чтобы набирать и обучать волонтеров.

Проблема семейного насилия – комплексная, факторы, обуславливающие его существование многочисленны и разнообразны. Поэтому и решение этой проблемы не может быть найдено в рамках одной науки, отрасли или сферы общественной жизни.

Список литературы

1. Андреева Г.М., Социальное познание: старт или финиш, Вопросы психологии, № 3, 2004 г.
2. Антокольская М.В., Семейное право, М., Юристъ, 2002 г.
3. Берн Э., Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры, Л., 1992 г.
4. Беспалов Ю.Ф, Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью ребенка, Российская юстиция, № 10, 1998 г.
5. Беспалов Ю.Ф., Семейные права ребенка и их защита, Владимир, изд-во ВГПУ, 2001 г.
6. Богданова Г.В., Права и обязанности родителей и детей, М., Приор, 2003 г.
7. Богуславский М.М., Международное частное право, М., Юристъ, 2000 г.
8. Бойко О.В., Гендерные аспекты психического здоровья, Вопросы психологии, №1, 2005 г.
9. Борисова Н.Е., Конституционные предпосылки защиты прав ребенка, М., РАН, 2005 г.